

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Алексей Гладков

100 ДНЕЙ ОДЕССКОГО ЛЕТА:
АБРИКОСА ЦВЕТЕТ!

Читатель упрекнет меня в незнании русского языка, и будет прав! Никакой «абрикось» в русском языке нет. Есть только «абрикос»! Так утверждают словари.

Но в жизни, в той, которая была ярче и веселее там, где я еще без труда мог взобраться на дерево (хоть и был трусоват) и без опасения провалить полусгнившее железное покрытие, бегал по крышам гаражей... где-то там давно, когда сдавать пустую стеклотару не было зазорно, но даже представляло собой некую детскую монополию... где-то в области сохранившихся лишь частично, лоскутных, но вместе с тем ярких воспоминаний — там, в моем детстве, абрикоса с помидорой были женского рода. И вместо сложного, но правильного «дуршлаг» говорили «друшляк». Во дворе говорили «за события», а не о них. И буква «ч» была очень важной, так как ее почему-то постоянно выделяли и она никогда не превращалась в речевое «ш»: «ч-тобы». Порой даже казалось, что за «ч» прячется «и»: «читобы».

Правило «жи-, ши-» можно было вовсе не преподавать, ибо никто не говорил «жизнь» или «шыкарно». Ибо у нас всегда была «шикарная жизнь» с четко произносимой «и». Никому даже в голову не приходило, что там вдруг может быть «ы». Еще Аверченко сто лет назад подметил, что буква «ы» в Одессе не прижилась.

И ч-то теперь, после такого вступления, вы имеете мне сказать за эту жизнь? Вы ничего мне не скажете! А все почему? Вам просто нечего мне сказать! Да! По правилам русского языка «абрикос» — он. Но ведь от этого он не стал вкуснее! И дело вовсе не в грамматике. Просто абрикоса всегда будет вкуснее абрикоса! По меньшей мере для меня.

Абрикоса цветет в Одессе. Вечером, когда чувства обостряются, ее аромат ощущается острее. Иду по гаражной стоянке, что рядом с Ольгиевским спуском на Манежной. Слышу — откуда-то исходит сладковатый родной любимый запах. Верчу головой и внезапно над крышами гаражей обнаруживаю торчащие из темноты соседнего двора белые ветки. Вдыхаю поглубже. Задерживаю дыхание. Выдыхаю. Опять вдыхаю. И так до тех пор, пока от насыщения кислородом не закружится голова.

Отцветет абрикоса. Зацветет акация. А потом — жара, духота: 100 дней одесского лета, которое завершится пьянящим запахом спелых «лидии» и «изабеллы».

Михаил Пойзнер

НЕУХОДЯЩАЯ
НАТУРА

Григорий Барац

ГЛОТОК ХЕРЕСА

Если вы далеко от Одессы, и вам далеко за шесть ноль, а в душе запах акации — не вставайте рано!

Я не сказал — не просыпайтесь, я сказал — не вставайте.

Одеяло не откидывайте, а сдвигайте с тела, как жалюзи: плавно, медленно и неохотно. Посидите немного, подтягиваясь и позванивая шейными позвонками. Вставая, обязательно громко кричите. Не для того чтобы вызвать сочувствие домашних (они к этим звукам давно привыкли), а как сигнал к подготовке завтрака.

В санузел заходим на ощупь. В зеркало не смотреть! В крайнем случае — не ниже подбородка во время бритья. Если одновременно широко открыть глаза и рот, морщин почти не видно. Поиграйте лицевыми мышцами. Лучше всего это удастся желвакам.

На завтрак ни сладкого, ни соленого, ни жирного, ни перченого, ни острого, ни горячего. А что тогда есть?

Теперь главное. Из книжного шкафа, где пылятся отдушенные книги, с самой верхней полки, куда не достает рука случайного человека, вытащите ту самую книгу, которая просится

в руки бессонными ночами. Куда идти, подскажет ветер. Главное, не сопротивляться его направлению.

Остановитесь у кафе. Закажите выпивку. Хорошо бы домашней, вызревшей на подоконнике с резиновой перчаткой на горлышке бутылки «лидии» или «изабеллы». Или портвейна крымского белого, красного или розового камня, стоившего пятьдесят копеек стакан, с бесплатной конфеткой в придачу. Для такого дня даже «Билэ мицнэ» подошло бы. Но ближе всего из того, что вам предложат, херес.

Возьмите рюмки три. Нет, шесть. Попросите граненый стакан. За неимением — бокал или фужер, что дадут. Перелейте херес в одну емкость и, не отходя от прилавка, махните половиной. К столу выходите медленно, в сопровождении восхищенного взгляда бармена.

Херес поставьте под правую руку, книгу положите слева. Откройте последнюю страничку — маленький глоток хереса. Скорость перелистывания должна равняться скорости глотков, не чаще. Не торопитесь. Вы возвращаетесь... вы превращаетесь... Вы у ворот...

Перелистывайте, перелистывайте. Открывайте

“

Одесская проза имеет ритм моря. Мерный шорох волн по крошеву ракушек в перекатах фраз. Стоячий зной штиля в истоме пауз. Пенные хлопья шторма в обортонах эмоций. И спокойная уверенность в вечности своих глубин, своих ласковых вод.

Алла Гудзенко

Одесса. Этот город на слуху у всего мира. Этот город более двухсот лет продолжает удивлять, заставляет преклоняться и завидовать. Здесь мирно уживаются мифы и реальность. У одесситов свое, особое одесское гражданство, свой вид на жительство.

Для этих людей никогда не закончится Одесса — город, прикоснувшийся к их жизни.

Неумолимо время. Очень многое невосполнимо: человеческие объятия, старомодная галантность, дома и перекрестки нашего детства. Все это безвозвратные потери.

Но в море стандартного, однообразного, застоявшегося Одесса все-таки — Остров Сокровищ. Остров со своими, может быть, доступными только ему ценностями.

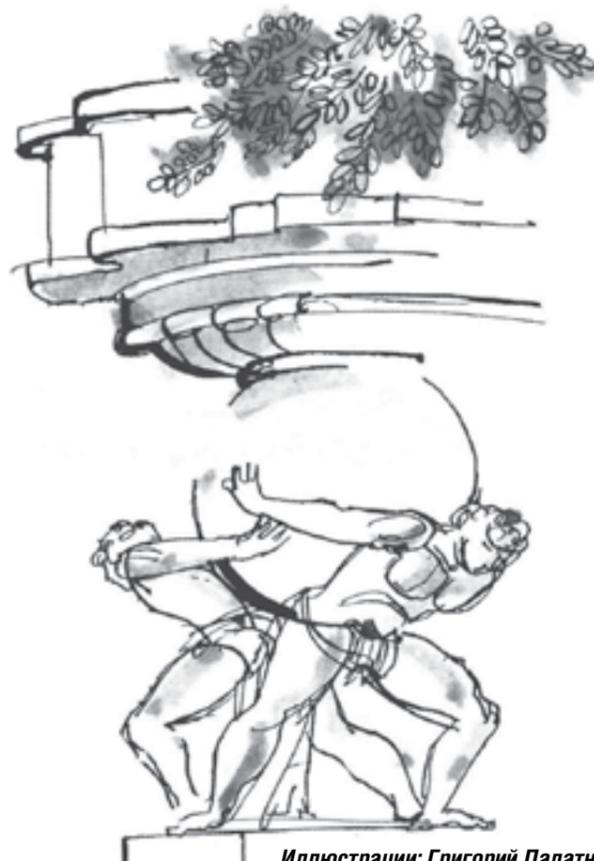
Хочется верить, что Одесса — это неуходящая натура. Несмотря на смену времен и взглядов, здесь все еще слышны знакомые одесские интонации.

Еще не исчезло одесское восприятие окружающего мира, еще узнаваем разборчивый одесский почерк.

Еще живут люди, которым безразлична боль Одессы, ее надежды, ее прошлое и настоящее.

«Природные» одесситы — это штучный товар. Товар вне государственных границ и без сроков годности.

Постарайтесь: вы услышите мелодии и шаги этого Вечного Города у Черного моря.

Иллюстрации: Григорий Палатников